

враждебно, и даже был доволен, что втиснул в оперу свою Андреянову, ухарски размахивавшую ногами в желтых шароварах, исполняя лезгинку, не возбуждавшую восторгов в публике. Сомов, Гедеоновы, Степан Алекс., будущий директор, и Михаил, цензор театральных пьес при III отделении, были очень дружны с Глинкою, и Михаил участвовал нередко в пирушках в честь Глинки. Высшее общество относилось к композитору сдержанно, но покровительственно, следуя настроению двора. Музыкант Феофил Толстой, оракул светских кружков, расхваливал «Руслана» на вечерах и в печати⁴. Граф Михаил Юрьевич Виельгорский, меценат дилетант, друг Шумана, автор популярных романсов: «Бывало», «Любила я», «Отчего», опустив подбородок в тонкий белый галстук, по моде франтов эпохи Александра I, дружественно похлопывал Глинку по плечу и говорил: «такой талант, топ шег, развивать надо». Недоставало только советов,— поучиться у наших петухов, да и то потому, что крупных музыкальных петухов в то время и вовсе у нас не было, и сам Виельгорский только задумывал писать оперу на сюжет пушкинских «Цыган»⁵, да так и умер в 1856 году, не кончив ее.

Но русской публикой Глинка не мог быть недоволен. Если второе представление «Руслана» прошло с тем же колеблющимся успехом, третье уже принималось с восторгом многочисленными слушателями и автора вызывали после каждого действия. В течение сезона оперу дали 32 раза, и она принесла автору более трех тысяч рублей, считая по десяти процентов с двух третей валового сбора. Неровности в исполнении стерлись, сделаны были нужные урезки в партитуре. Вскоре выздоровела Петрова 1-я, и партия Ратмира выдвинулась вперед. Каватина «Чудный сон живой любви» возбуждала всякий раз энтузиазм в публике. В труппу поступили два новых певца: тенор Михайлов и прекрасный баритон Артемовский: оба они чередовались с Леоновым и Петровым в ролях Финна и Руслана. В начале следующего сезона, в последнее воскресенье святой недели, 18 апреля, «Руслана» слушал знаменитый Лист и хлопал без устали каждому номеру и каждому певцу⁶. Это было в некотором роде посвящение русского композитора в европейскую известность. Но второй сезон, начавшийся для «Руслана» столь блистательно, был неудачнее первого. Через два дня после того, как венгерский музыкант обнимал в театре Глинку, осыпая его восторженными похвалами, на подмостках Большого театра появился, в первое представление итальянской оперы, Рубини в роли Отелло⁷. «Руслана» и русскую оперу разом отодвинули на второй план. Только в шестидесятых годах «Руслан», почти забытый дирекцией, снова появился на сцене и встречен был публикою, если не с прежним восторгом, то с искренним сочувствием. Его стали давать если не часто, то с приличной обстановкою, с полным уважением к памяти великого композитора⁸.

А. А. ХАРИТОНОВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

[В 1842 г.] встретился я с известным тогда певцом Андреем Петровичем Лоди, который особенно отличался прекрасным исполнением романсов Глинки и поступил было на сцену в русскую оперу, под именем Несторова *, но скоро ее оставил и сделался учителем пения. [...] Услышав

* Так назвал он себя в честь Нестора Кукольника, которому он был приятель

меня, он сразу, по звуку среднего регистра, определил, что я не баритон, а тенор, и советовал мне прямо перейти к низким теноровым партиям, которые я мог исполнять одним грудным голосом, доходившим уже до *la*. Я так и сделал. Скоро потом, чрез моего товарища по службе, А. П. Опочинина старшего (который до сих пор занимает должность начальника архива в инженерном департаменте[...]), я познакомился с А. С. Даргомыжским. Живя летом 1842 года в семействе отца на даче, маэстро задумал устроить на Черной речке серенаду. На большом казенном катере, который достал, как моряк, всем известный ныне Владимир Петрович Опочинин, поставлено было фортепиано, и мы, плывя по реке в числе 12 человек, одних любителей* исполняли под аккомпанемент знаменитого композитора, разные хоры, *motseaux d'ensemble* и некоторые отдельные номера. Я пел, между прочим, каватину из «Аскольдовой могилы» «Близко города Славянска» и произвел в громадной публике фурор. Вечер был необыкновенно тих и тепел, голоса раздавались звучно, публика, провожая нас и постоянно увеличиваясь, неистовствовала в аплодисментах и криках одобрения, меня же заставила пропетый романс повторить. На другой день только и разговору было, что о нашей серенаде и о моем теноровом голосе. С тех пор я сделался известностью... Вскоре потом я вступил в общество артистов, музыкантов и литераторов, собиравшихся у Даргомыжского, Владиславлева, А. Ф. Львова, графа Мих. Юр. Виельгорского и князя В. Ф. Одоевского. Там я познакомился с М. И. Глинкой, Брюлловым, Кукольником, Самойловым, Петровым и Каратыгиным (младшим), Сосницким, Гребенкой, гр. В. А. Соллогубом, Ив. Матв. Толстым и братом его Феофилом (известным в журнальной литературе под псевдонимом Ростислава), Мусоргским¹, Арнольдом, Н. А. Степановым (карикатуристом), а по военно-цензурному комитету, который я оставил еще в 1838 году, и с Н. И. Гречем. [...]

*

...Приезд Рубини имел громадное влияние на мой голос и вообще на мое пение. Слушая его, я выработал себе фальцетный регистр, без которого невозможно петь с надлежащими оттенками и с легкостью в отделке фиоритур. При этом диапазон моего голоса настолько поднялся, что я мог исполнять самые высокие партии, писанные для Рубини и Дюпре. С другой стороны, близкое знакомство с Даргомыжским и Глинкою привело к тому, что я был признан лучшим исполнителем их романсов, особенно бравурных, и некоторые из них пел даже в публичных концертах, под аккомпанемент самих композиторов. Однажды М. И. Глинка выкинул со мной такую штуку. В каком-то утреннем концерте, в зале Браницкой, я должен был петь известный романс его «Не требуй песен от певца», оканчивающийся словами «Грома сильней огласят небеса», из которых первые два я обыкновенно протягивал полным голосом на верхнем *la* октавой выше против того, как написано. Запел я смело и с увлечением, как всегда, но постепенно, подходя к концу романса, почувствовал утомление, потому что должен был постоянно напрягать голос, и стал уже опасаться, возьму ли верхнюю ноту с должною энергиею; однако, хотя с усилием, но окончил романс как следует, к удовольствию автора и публики. Я потом сказал Михаилу Ивановичу о своем затруднении во время пения, а он мне ответил: «Да я вам аккомпанировал тоном выше и был уверен, что вы не спасуете, а для тенора с здоровой

* Из них, кроме нас двух, остался в живых еще Влад. Фед. Пургольд (член департамента уделов). — *Примечание А. А. Харитонова.*

трудью чем выше петь, тем лучше и эффективнее». Оказалось, что я должен был взять полным грудным голосом *si naturel*. Вообще, без похвалы бы скажу, что одного моего имени в афишах или программах было достаточно, чтобы привлечь публику в концерт, и потому я был приглашаемым на всевозможные музыкальные вечера, дававшиеся с благотворительной целью, и участвовал даже в одном из больших концертов, даваемых ежегодно в зале Дворянского собрания в пользу женских школ патриотического общества. Тогда концерты эти составлялись из одних любителей, наполнялись лучшим обществом и удостоивались посещения царской фамилии. В тот раз, когда я пел в числе солистов, принимали в нем участие, из певиц и певцов: княжна Лобанова, девица Фрейганг (дочь нашего генерального консула в Венеции), фрейлина П. А. Бартенева, Иван Матвеевич Толстой (впоследствии граф и министр почт) и князь Григорий Волконский (сын фельдмаршала, бывший впоследствии посланником, кажется, в Неаполе), а из музыкантов: свиты е. в. генерал-майор А. Ф. Львов (скрипка) и гофмейстер, граф Матвей Юрьевич Виельгорский (виолончель). Перед тем, в этих концертах по части пения отличались графиня Росси (*soprano*) и И. Н. Андреев (тенор). Хоры составлялись также из любителей, с прибавкою, однако, нескольких голосов из придворных певчих.

Чаще и больше всего я занимался пением с Даргомыжским, будучи коротко знаком в семействе его отца, которое жило тогда на Моховой, в доме Есакова. Я пел не только его романсы, но и некоторые нумера из его двух опер: «Эсмеральда» и «Русалка», гораздо прежде чем они были поставлены на сцену. Первая была раньше написана и представляет собою слабое подражание мейерберовскому «Роберту», а вторая, после успехов Глинки, задумана в русском национальном стиле и выросла, так сказать, на моих глазах и ушах². Я, конечно, был первым исполнителем теноровой каватины в «Русалке» «Невольню к этим грустным берегам меня влечет неведомая сила». Из романсов же его некоторые, как напр., «Оделась туманами», прямо написаны для моего голоса, а дуэт «Рыцари» посвящен даже мне и В. П. Опочинину. [...]

Одним словом, я вошел в моду, как певец-любитель [...]

*

...18 февраля 1847 года [...] я [...] был назначен в чине коллежского советника представителем Тифлисской казенной палаты [...]

...Я объезжал всех знакомых, делая прощальные визиты [...] Перед самым же отъездом я хотел отблагодарить дам, в обществе которых так приятно проводил время, и устроил для них прощальный музыкально-танцевальный вечер [...] Танцевали, конечно, больше, чем музицировали; под самый же конец, после ужина, я спел на прощанье известный романс Глинки, с хором, на слова Кукольника:

Прощайте, добрые друзья,
Нас жизнь раскинет врассыпную,
Все так, но где бы ни был я,
А вспомню вас и затоскую...
и проч.

Находясь в приподнято-грустном настроении, я пел с увлечением, не щадя своего молодого и звучного голоса, а хор любителей припевал:

Ты прав, певец, да не совсем...

Через несколько дней я собрался, наконец, в дорогу и выехал из Петербурга 30-го марта.